

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СЯРКЕВИЧ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №. 10216/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

28 ноября 2017 г.

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Сяркевич против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседа
Комитетом, в состав которого вошли:

Хелен Келлер, *Председатель*,

Пере Пастор Виланова,

Алена Полачкова, *судьи*,

и Фатош Араци, *Заместитель Секретаря Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 7 ноября 2017 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 10216/06),
поданной в Европейский Суд против Российской Федерации в
соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и
основных свобод (далее по тексту – «Конвенция») гражданином
России Сяркевичем Евгением Вячеславовичем (далее по тексту –
«заявитель») 6 марта 2006 года.

2. Интересы заявителя представлял Д. Аграновский, адвокат,
практикующий в г. Электростали Московской области. Интересы
властей Российской Федерации (далее по тексту – «Власти»)
первоначально представлял Г. Матюшкин, занимавший на тот момент
должность Уполномоченного Российской Федерации при Европейском
Суде по правам человека, а затем его преемник в указанной должности
М. Гальперин.

3. 22 апреля 2010 года жалобы заявителя на чрезмерную
длительность его содержания под стражей в ходе предварительного
следствия в отсутствие значительных и достаточных на то оснований,
а также на то, что внутригосударственные органы власти не дали ему
возможность опросить несколько свидетелей со стороны обвинения,
были коммуницированы властям.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель, 1961 года рождения, до задержания проживал в
городе Южно-Сахалинск, Сахалинской области.

А. Задержание заявителя и его содержание под стражей

5. 3 апреля 2003 года заявитель был задержан в квартире, где было обнаружено незарегистрированное огнестрельное оружие. В гардеробной квартиры было обнаружено четыре связанных человека со следами побоев, включая П. Следователь УМВД по Сахалинской области составил протокол задержания.

6. На следующий день было санкционировано заключение заявителя под стражу. Спустя неделю заявителю было предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений, включая организацию и руководство вооруженной группой, несколько эпизодов похищения при отягчающих обстоятельствах, вымогательства, грабежа и мошенничества, а также незаконное хранение оружия.

7. Южно-Сахалинский городской суд и Сахалинский областной суд тринадцать раз продлевали срок содержания заявителя под стражей вплоть до вынесения ему обвинительного приговора. При продлении срока содержания заявителя под стражей внутригосударственные суды ссылались на тяжесть и количество предъявленных обвинений, сложность расследования по уголовному делу и сложности, с которыми столкнулся суд присяжных, вероятность того, что заявитель может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью и вмешаться в отправление правосудия, учитывая его личность и прежнюю судимость, и на существенный объем доказательств, представленных стороной защиты в ходе судебного разбирательства. Суды также следили за ходом расследования и оценили следственные и оперативные мероприятия, запланированные стороной обвинения, включая задержание сообщников заявителя (которые все еще находились на свободе или скрылись, нарушив меру пресечения, избранную в их отношении, и были объявлены в розыск), комплексные экспертизы, требующие участия заявителя и потерпевших, и изучение материалов дела заявителем и его сообщниками. Ходатайства заявителя об освобождении под залог, а также жалобы на постановления о заключении под стражу результатов не принесли.

8. 21 апреля 2004 года заявитель и его адвокаты начали изучение материалов дела, состоящего из девятнадцати томов объемом 200-300 страниц каждый. 7 сентября 2004 года городской суд определил срок для изучения материалов дела, предоставив заявителю двадцать дополнительных рабочих дней. 29 декабря 2004 года дело было передано в областной суд для рассмотрения.

В. Судебное разбирательство

9. 6 апреля 2006 года присяжные областного суда вынесли вердикт, признав заявителя и шесть его сообщников виновными по всем

пунктам обвинения. 12 мая 2006 года областной суд, полагаясь на вердикт присяжных заседателей, приговорил заявителя к двадцати одному году лишения свободы.

10. Заявитель был в частности признан виновным в совершении мошенничества при отягчающих обстоятельствах, грабеже и вымогательстве в отношении Л. - предпринимателя из Московской области. Присяжные установили, что в мае 2001 года заявитель связался с Л., представившись продавцом автомобиля. Заявитель пообещал Л. продать ему автомобиль приблизительно за 600 000 рублей. Однако после того как Л. перевел деньги на счет, указанный заявителем, последний скрылся. В октябре 2002 года заявитель связался с Л. и сказал ему, что он только что вернулся из Японии с его автомобилем, и предложил ему приехать в г. Сахалин для того, чтобы забрать машину. По прибытии в аэропорт Южно-Сахалинска 13 октября 2002 года Л. встретил К., один из сообщников заявителя, и отвез его в загородный дом заявителя, где его держали до 6 ноября 2002 года. В этот период заявитель и его банда избивали Л. и вымогали у него деньги.

11. Ни К., ни Л. не были заслушаны в ходе открытого судебного разбирательства. К. умер в камере следственного изолятора до начала судебного процесса. Что касается Л., проживавшего в Московской области, то суд несколько раз пытался обеспечить его присутствие, направляя ему повестки и приказывая доставить его в суд. В ответ он сообщил суду о том, что он не может прибыть в Южно-Сахалинск из-за болезни позвоночника и медицинских противопоказаний к воздушным перелетам. В подтверждение этого он предоставил ряд документов, а также письменное заявление, в котором он подтверждал свои показания, данные до начала судебного процесса. Принимая во внимание эти обстоятельства, суд удовлетворил ходатайство стороны обвинения о том, чтобы зачитать показания Л. и К., данные в отношении заявителя, несмотря на возражения последнего.

12. Присяжные также установили, что в сентябре и декабре 2002 года и в марте 2003 года заявитель организовал вооруженное ограбление и похищение восьми других потерпевших, включая П., и вымогал крупную сумму денег в обмен на его свободу. П. также не был заслушан в суде, поскольку он предположительно находился в отпуске в Украине. Не приняв во внимание возражения заявителя, областной суд зачитал показания П., данные до судебного разбирательства.

13. Адвокат заявителя обжаловал постановление областного суда, жалуюсь среди прочего на решение зачитать показания Л., П. и К., данные ими до судебного разбирательства. 14 ноября 2007 года Верховный Суд Российской Федерации оставил постановление областного суда без изменений, отметив, что он правомерно счел, что

причины для отсутствия свидетелей были исключительными, и что он законно зачитал их досудебные показания.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

14. Применимое национальное законодательство и судебная практика описаны в постановлении Суда от 14 июня 2016 года по делу «Уразов против России» (*Urazov v. Russia*), жалоба № 42147/05, пункт 47; в постановлении Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*), жалоба № 51445/09, пункты 16-25; и в постановлении Суда от 23 февраля 2016 года по делу «Навальный и Офицеров против России» (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*), жалобы №№ 46632/13 и 28671/14, пункт 79.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

15. Ссылаясь на статьи 5 и 6 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия было чрезмерно длительным и необоснованным. Суд считает, что жалобы заявителя должны быть рассмотрены с точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с положениями подпункта «с» пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

16. Власти оспорили этот довод. Они утверждали, что содержание заявителя под стражей обуславливалось обоснованным подозрением в его причастности к совершению ряда особо тяжких насильственных преступлений. При продлении срока содержания заявителя под стражей внутригосударственные суды опирались на ряд соображений, таких как характеристика заявителя, его прежние судимости, его связи с преступным миром, его роль лидера в преступлениях, в совершении которых он обвиняется, и их характер, что в совокупности создавало угрозу того, что он может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, уничтожить доказательства и оказать давление на свидетелей и потерпевших.

А. Приемлемость

17. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

18. Соответствующие общие принципы, касающиеся оценки содержания под стражей в ходе предварительного следствия в точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции, приводятся в упоминаемом выше постановлении по делу «Жеребин против России» (пункты 49-54).

19. Суд изначально отмечает, что заявитель был задержан в апреле 2003 года и осужден на основании вердикта присяжных в апреле 2006 года. Таким образом, срок его содержания под стражей составил три года. Он также отмечает, что стороны не оспаривали тот факт, что содержание заявителя под стражей было основано на обоснованном подозрении, и что оно не только существовало в течение всего уголовного производства, но и возрастало по мере выявления новых эпизодов преступной деятельности заявителя.

20. При решении вопроса о содержании заявителя под стражей внутригосударственные органы власти представили ряд взаимосвязанных доводов для оставления заявителя под стражей, а именно, тяжесть предъявленных обвинений, высокое положение заявителя в организованной преступной группе, угроза того, что он может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью и воспрепятствовать отправлению правосудия, а также запутанность дела.

21. Суд признает, что тяжесть обвинений являлась одним из факторов при оценке угрозы того, что заявитель мог скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или воспрепятствовать отправлению правосудия. Однако, несмотря на тот факт, что суровость приговора является важным элементом при оценке угрозы того, что обвиняемый может скрыться от правосудия или продолжить заниматься преступной деятельностью, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Продление содержания под стражей не может также использоваться в ожидании назначения наказания в виде лишения свободы (см. постановление Суда от 10 мая 2016 года по делу «Топехин против России» (*Topekhin v. Russia*), жалоба № 78774/13, пункт 104, с дальнейшими ссылками). Следовательно, Суд должен

рассмотреть вопрос о том, подкреплялся ли данный фактор другими основаниями для содержания заявителя под стражей.

22. Внутригосударственные суды активно опирались на разумное утверждение о том, что заявитель и другие обвиняемые являлись членами преступной группы, в которой заявитель играл особо важную роль. В этом отношении Суд напоминает, что существование общей угрозы, вытекающей из организованного характера предполагаемой преступной деятельности заявителя, может считаться основанием для его содержания под стражей на первоначальных этапах производства по делу, и при некоторых обстоятельствах также для последующего продления срока содержания под стражей. Суд также признал, что в делах (как и в настоящем деле), в которых имеется несколько обвиняемых, процесс сбора доказательств и свидетельств зачастую представляет собой сложную задачу. При таких обстоятельствах Суд считает, что необходимость в получении большого объема доказательств из многих источников, включая девять потерпевших, проживавших в Московской области, т.е. за девять тысяч километров от места проведения следствия по делу, а также необходимость определить факты и степень предполагаемой ответственности каждого обвиняемого, давала разумные и достаточные основания для содержания заявителя под стражей в ходе расследования (см. постановление Суда от 13 апреля 2017 года по делу «Подески против Сан-Марино» (*Podeschi v. San Marino*), жалоба № 66357/14, пункт 147, с дальнейшими ссылками).

23. Кроме того, суд считает, что в таких делах как настоящее дело, касающееся организованной преступной группы, риск того, что в случае освобождения заключенный может оказать давление на свидетелей или других подозреваемых по делу или иным образом воспрепятствовать производству по делу, по природе вещей зачастую особенно высок (см., например, постановление Суда от 4 мая 2006 года по делу «Челеевски против Польши» (*Celejewski v. Poland*), жалоба № 17584/04, пункт 95). В этом контексте Суд помнит тот факт, что сообвиняемый заявителя К., который дал показания против заявителя, был найден мертвым в своей тюремной камере, и что некоторые из членов банды скрывались от правосудия или были на свободе (см. пункты 7 и 11 выше). Следовательно, Суд приходит к выводу о том, что риск того, что заявитель вмешается в отправление правосудия и окажет давление на потерпевших и свидетелей, был очень высоким и оправдывал его содержание под стражей в ходе предварительного следствия.

24. Помимо тяжести предъявленных обвинений и участия заявителя в организованной преступности, судебные органы приняли во внимание его характеристику и прежние судимости в качестве

дополнительных факторов, увеличивающих риск, который заявитель мог представлять в случае освобождения.

25. Суд также отмечает, что у внутригосударственных судов имелось обоснованное опасение, что заявитель может скрыться от правосудия. Согласно собственным показаниям заявителя, он однажды ездил в Японию и оставался там достаточно долгое время (см. пункт 10 выше). Тот факт, что заявитель был безработным, также подкреплял вывод российских судов о том, что существовала угроза того, что заявитель может скрыться от правосудия (см. упоминаемое выше постановление по делу «Топехин против России», пункт 106).

26. Следовательно Суд приходит к выводу о том, что имелись значительные и достаточные основания для содержания заявителя под стражей в ходе расследования и судебного разбирательства. Однако, оценка этих оснований не может быть отделена от фактической длительности содержания заявителя под стражей. Соответственно, остается выяснить, проявили ли судебные власти «особую тщательность» при проведении судебного разбирательства.

27. В настоящем деле, активный этап расследования длился двенадцать месяцев, и этот срок был обоснованным, учитывая общую запутанность дела, нежелание заявителя и его сообщников сотрудничать со следствием, и учитывая, что в ходе расследования были выявлены факты о дополнительных преступных деяниях заявителя, которые требовали дополнительных следственных мероприятий. Заявителю и его адвокатам потребовалось еще шесть месяцев для изучения материалов дела, состоящего из девятнадцати томов объемом 200-300 страниц каждый. В отсутствие каких-либо доводов об обратном Суд считает, что в этой проволочке нельзя обвинить власти, особенно учитывая, что обвиняемым в целом потребовалось не более трех недель для изучения всех материалов дела (аналогичная аргументация приводится в постановлении Суда от 5 февраля 2013 года по делу «Мхитарян против России» (*Mkhitaryan v. Russia*), жалоба № 46108/11, пункт 99). Наконец, Суд отмечает, что судебное разбирательство по делу заявителя было завершено приблизительно за пятнадцать месяцев. Это срок также представляется обоснованным, принимая во внимание объективные трудности проведения разбирательства судом присяжных, существенный объем представленных сторонами доказательств, количество подсудимых и запутанность дела. Заявитель не утверждал, что в проведении судебного разбирательства были какие-либо проволочки. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что власти проявили особое усердие при рассмотрении дела заявителя.

28. С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

29. Ссылаясь на подпункт «d» пункта 3 и пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловался на то, что судья, рассматривавший его дело, зачитал показания потерпевших Л. и П., а также показания скончавшегося К., являвшегося соподсудимым заявителя, которые не были заслушаны в ходе открытого судебного заседания.

30. Подпункт «d» пункта 3 и пункт 1 статьи 6 Конвенции в соответствующей части гласят:

«1. «Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом ...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...»

31. Власти утверждали, что для неявки Л., П. и К. в суд имелась уважительная причина, и что их показания не были единственным или решающим основанием для признания заявителя виновным, поскольку они подкреплялись другими доказательствами, в том числе показаниями других потерпевших и свидетелей, которые были допрошены в суде.

А. Приемлемость

32. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

33. Суд напоминает, что гарантии, изложенные в подпункте «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции являются конкретными аспектами права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в пункте 1 этого положения; следовательно, он рассмотрит жалобы заявителя с точки зрения обоих этих положений (см. постановление Большой Палаты по делу «Шачашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/10, пункт 100, ECHR 2015).

34. В подпункте «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции говорится о «свидетелях», и, если толковать его строго, он не должен применяться к другим доказательствам. Однако этот термин нуждается в автономном толковании. Он может также включать потерпевших (см. постановление Суда от 10 мая 2007 года по делу «А.Х. против Финляндии» (*A.H. v. Finland*), жалоба № 46602/99, пункт 41) и других лиц, дающих показания в Суде (см. постановление Суда от 11 декабря 2008 года по делу «Мирилашвили против России» (*Mirilashvili v. Russia*), жалоба № 6293/04, пункт 158).

35. Суд повторяет, что приемлемость доказательств в основном регулируется нормами внутригосударственного права. Как правило, оценка доказательств, а также существенность и применимость доказательств, которые требуют приобщить к делу обвиняемые, относится к компетенции национальных судов (см., постановление Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 176, с дальнейшими ссылками).

36. В этом отношении Суд требовал, чтобы заявитель, жалующийся на то, что «ему не было позволено допросить определенных свидетелей ... должен ... подкрепить свое ходатайство объяснением, почему важно заслушать соответствующих свидетелей, и их показания должны быть необходимыми для установления истины ...» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (*Perna v. Italy*), жалоба № 48898/99, пункт 29, ECHR 2003-V).

37. Общие принципы, применяемые в случае, когда свидетель стороны обвинения не явился в суд, и его показания были приняты в качестве доказательства, описаны Судом в постановлении Большой Палаты по делу «Шачашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/10, ECHR 2015). Следовательно, Суд будет рассматривать настоящее дело в свете этих принципов.

1. Неявка потерпевшего П. в суд

38. В упоминаемом выше постановлении Большой Палаты по делу «Шачашвили против Германии» (пункты 117-118), рассматривая порядок трех этапов теста, сформулированного в постановлении Большой Палаты по делу «Аль Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» (*Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*), (жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, пункт 152, ECHR 2011), а именно, наличие уважительной причины для неявки свидетеля, доказательная сила показаний не явившегося свидетеля и наличие уравнивающих факторов, компенсирующих отсутствие свидетеля, Большая Палата постановила, что в данном деле может быть уместным изменить их порядок, в частности, если один из этапов является решающим относительно справедливости производства.

39. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд изначально отмечает, что показания П. не являлись ни единственным, ни решающим доказательством против заявителя, поскольку они подтверждались другими доказательствами, включая показания трех других потерпевших, которые были похищены и удерживались в плену вместе с П. (см. пункт 12 выше), а также показаниями сотрудников полиции, которые освободили потерпевших и арестовали заявителя. В такой ситуации Суд не считает необходимым выяснять, имелись ли уважительные причины для отсутствия П. на судебном разбирательстве, и имелись ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие его отсутствие. Существенное количество других прямых и первичных доказательств, подтверждающих данные до суда показания П., свело к минимуму любое негативное влияние, которое его отсутствие могло оказать на справедливость разбирательства по делу заявителя.

40. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что в деле не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием П. и невозможности для заявителя допросить его в ходе судебного разбирательства.

2. Неявка потерпевшего Л. и соподсудимого К.

41. Однако ситуация с неявкой другого потерпевшего Л. и сообщника заявителя К. отличается.

42. Суд готов признать наличие уважительных причин для их отсутствия, а именно, смерть К. и серьезное заболевание Л. (см. упоминаемое выше постановление по делу «Шачашвили против Германии», пункт 119, с дальнейшими ссылками). Однако он отмечает, что они были единственными очевидцами, подтверждающими причастность заявителя к преступлениям, совершенным в отношении Л. Таким образом, их показания являлись единственными и решающими доказательствами, на которых был основан обвинительный приговор заявителя, и не имелось никаких уравнивающих факторов, компенсирующих их отсутствие на суде и сложности, с которыми сторона защиты столкнулась, приняв их непроверенные показания в качестве доказательства (например, перекрестный допрос до суда или возможность опосредованно задать вопросы Л. на этапе судебного разбирательства).

43. Суд также отмечает, что принятые признательные показания К., которые касались и заявителя в отношении преступлений, совершенных в отношении Л., были даны К. на стадии предварительного следствия в его официальном статусе обвиняемого. В связи с этим Суд повторяет, что к оценке таких показаний следует относиться тщательнее, поскольку положение, в котором находятся сообщники во время дачи показаний, отличается от положения

обычных свидетелей. Они не дают свои показания под присягой, то есть не заявляют об истинности своих заявлений, что в ином случае могло бы подвергнуть их наказанию за умышленную дачу ложных показаний. В подобных ситуациях для соблюдения гарантий, изложенных в статье 6 Конвенции в отношении допустимости признательных показаний обвиняемого, такие показания должны приниматься лишь для установления факта совершения преступления лицом, дающим признательные показания, а не заявителем, и судья должен прояснить присяжным, что признание вины само по себе не доказывает, что заявитель причастен к совершению данного преступления (см. постановление Суда от 24 июля 2008 года по делу «Владимир Романов против России» (*Vladimir Romanov v. Russia*), жалоба № 41461/02, пункт 102).

44. Суд полагает, что, при таких обстоятельствах, отсутствие возможности для заявителя эффективно оспорить показания его обвиняемого К. и допросить свидетеля Л. на каком-либо этапе производства сделало судебное разбирательство в целом несправедливым.

45. Таким образом, в этом отношении было допущено нарушение подпункта «d» пункта 3 и пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

46. Заявитель также подал ряд других жалоб на основании статьи Конвенции на различные аспекты судебного разбирательства по его делу.

47. Европейский Суд рассмотрел эту жалобу и считает, что, в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов и в той степени, в какой она относится к сфере его компетенции, она либо не отвечает критериям приемлемости, изложенным в статьях 34 и 35 Конвенции, либо не обнаруживает признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней.

48. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

49. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

50. Заявитель потребовал 1 550 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

51. Власти сочли данное требование чрезмерным.

52. Суд не видит необходимости в присуждении компенсации морального вреда в настоящем деле (сравните с постановлением Большой Палаты по делу «Ибрахим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08 и 3 другие жалобы, пункт 315, ECHR 2016). Суд также обращается к своей сложившейся прецедентной практике, согласно которой в случае нарушения прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были, и в принципе, наиболее подходящей формой компенсации было бы повторное судебное разбирательство, если заявитель потребует этого (см., *mutatis mutandis*, см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 *in fine*, ECHR 2005-IV, и постановление Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 263). В этой связи Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что уголовное производство может быть начато заново, если Судом установлено нарушение Конвенции.

В. Расходы и издержки

53. Заявитель не потребовал возмещения судебных расходов и издержек. Следовательно, Суд ничего не присуждает ему по данному пункту.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. *Признал* жалобы на чрезмерную длительность содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия в отсутствие на то значительных и достаточных оснований и его

жалобу на невозможность допросить свидетелей приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. *Постановил*, что нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было;
3. *Постановил*, что нарушения пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с невозможностью для заявителя допросить П. допущено не было;
4. *Постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с невозможностью для заявителя допросить К. и Л.;
5. *Постановил*, что установление факта нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 28 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря

Хелен Келлер
Председатель